

В. И. Рассадин

ПРОБЛЕМЫ ОБЩНОСТИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ САЯНО-АЛТАЙСКОГО РЕГИОНА

Как известно, языки тюрков Сибири составляют восточно-хуннскую ветвь тюркских языков и классификационно входят в две разные группы: уйгуро-огузскую и киргизско-кыпчакскую. Языки, входящие в первую группу, в свою очередь, подразделяются на три подгруппы: уйгуро-тукуюскую (современные тувинский и тофаларский языки и древнеогузский язык — язык енисейско-орхонских надписей), якутскую (якутский язык), хакасскую (хакасский, камасинский, шорский и чулымско-тюркский языки). Во вторую группу входят: алтайский язык (в основном его южные диалекты — телеутский, теленгитский и алтайский, северные же диалекты — тубаларский, кумандинский и челканский — больше тяготеют к хакасской подгруппе языков), современный киргизский и древний киргизский языки.

Классификация эта основана на четких критериях и опирается на определенные языковые факты¹, свидетельствующие о действительном различии всех этих языков.

Однако в процессе сравнительного изучения сибирских тюркских языков — как между собой, так и с другими тюркскими и нетюркскими языками — удалось выявить некоторые особенности в фонетике, морфологии и лексике, характерные лишь для сибирских тюркских языков, в какой-то мере объединяющие их и присущие только им. Больше всего таких объединяющих черт в языках тюрков Саяно-Алтая и прилегающей к нему Минусинской котловины. К этому же региону, особенно в отношении лексики, тяготеет и якутский язык.

Рассмотрим подробнее наиболее характерные специфические особенности, присущие языкам тюрков саяно-алтайского региона.

¹ См.: Н. А. Баскаков. Введение в изучение тюркских языков. Изд. 2-е. М., 1969, с. 313—349.

Так, в области ф о н е т и к и почти все эти языки характеризуются тем, что в анлауте имеют преимущественно глухие гласные. Например: шор. *паш*, хак. *пас*, чул.-тюрк. *паш*, тоф. *паш* ~ *баш*² 'голова' (ср. во всех других тюркских языках *баш* — *id.*); шор. *палыг* 'садина', хак. *палыг* 'язва, рана', чул.-тюрк. *палыг* 'чирей', тоф. *палыг* ~ *балыг* 'рана' (ср. др.-тюрк. *baluγ* 'рана'); шор. *пер*, хак. *пир*, чул.-тюрк. *пер*, тоф. *пер* ~ *бер* 'дай' (ср. во всех других тюркских языках *бер* — *id.*); шор. *чыл*, хак. *чыл*, чул.-тюрк. *чыл*, тоф. *чыл* ~ *чжыл*, тув. *чыл* 'год' (ср. кирг. *жыл*, каз. *жыл*, др.-тюрк. *jyl* — *id.*); шор. *чок*, хак. *чоҳ*, чул.-тюрк. *чок* ~ *йок*, тоф. *чок* ~ *чжок* ~ *йок*, тув. *чок* 'нет' (ср. кирг. *жок*, каз. *жок*, др.-тюрк. *joç* — *id.*). В тувинском и алтайском литературных языках согласный *б* сохраняет свою звонкость (ср. алт. *баш*, тув. *баш* 'голова', алт. *балу*, тув. *балыг* 'рана', алт. *бер*, тув. *бер* 'дай'), хотя для алтайских диалектов тоже характерно употребление глухого *п* вместо звонкого *б*. Например, у бачатских телеутов *паш* 'голова'³, у кумандинцев *паш* 'голова', *пер* 'дай'⁴. В тубаларском диалекте в начальной позиции не различаются, как и в тофаларском языке, глухие и звонкие согласные *п* — *б*, *т* — *д*, *к* — *г* и др.⁵, поэтому здесь мы имеем *паш* ~ *баш* 'голова', *пер* ~ *бер* 'дай' и т. д.

Для всех тюркских языков Саяно-Алтая характерно еще произношение глухого *с* вместо звонкого *з* других тюркских языков в абсолютном исходе слова и слога. При этом исторически звонкий согласный, следовавший в начале последующего слога, тоже оглушался. Например, общетюркское *кыз* 'дочь' в языках рассматриваемого региона произносится: шор. *кыс*, хак. *хыс*, алт. *кыс*, чул.-тюрк. *кыс*, тоф. *кыс*, тув. *кыс* — *id.*; др.-тюрк. *qizγun*, кирг. *кузгун*, тат. *козгын* 'ворон' здесь произносят: шор. *кускун*, хак. *хускун*, алт. *кускун*, тоф. *кускун*, тув. *кускун* — *id.* Глухость ауслаута сохраняется и при наращении аффиксов. Так, например, вместо *кызлар* 'девушки' здесь произносят везде *кыстар*, вместо *кызга* 'девушке' — *кыска*. Эта закономерность служит причиной изменения звукового облика многих тюркских слов.

² В тофаларском языке согласный *б* — слабая фонема, допускающая как глухое, так и звонкое произнесение, равно как и все остальные слабые согласные. См.: В. И. Рассадин. Фонетика и лексика тофаларского языка. Улан-Удэ, 1971, с. 46.

³ См.: К. В. Меркурьев. Инвентарь согласных фонем и их дистрибуция в языке бачатских телеутов. — Вопросы языка и литературы народов Сибири. Новосибирск, 1974, с. 50.

⁴ См.: И. Я. Селютин. Дентопалатограммы кумандинских согласных. — Исследования по фонетике сибирских языков. Новосибирск, 1976, с. 28.

⁵ См.: Н. А. Баскаков. Северные диалекты алтайского (ойротского) языка. Диалект черных татар (туба-кижи). Грамматический очерк и словарь. М., 1966, с. 15—17.

Например, кирг. *тизгин* — алт., шор. *тискин* 'поводья'; др.-тюрк. *aγzu* — тоф., тув. *аксы*, хак. *ахсы*, 'его рот'; кирг. *азган* — алт., шор., тоф., тув. *аскан*, хак. *астан* 'заблудился'.

Группу тюркских языков Саяно-Алтая отличает также такая своеобразная черта, как наличие в ряде слов носовых *н* или *нь* в анлауте на месте древнего *й и развившихся из него *ч*, *ж* и т. д. других тюркских языков. В эту группу входят тофаларский, хакасский, шорский языки и северные диалекты алтайского языка⁶. Ср., например, тоф. *няа*, хак. *наа*, шор. *наа*, куманд. *наа*, тубал. *ньанъы* 'новый' — тув. *чаа*, алт. *јаңы*, кирг. *жаңы*, др.-тюрк. *јаңу* — *id.*; тоф. *няндыр-*, хак. *нандыр-*, куманд. *ньандыр-*, тубал. *няндыр-* 'возвратить' — тув. *чандыр-*, алт. *јандыр-*, кирг. *жандыр-*, др.-тюрк. *jandur-, jantur-* — *id.* Развитие этого специфического для саяно-алтайских тюркских языков ареального явления, видимо, следует связывать со среднеязычной артикуляцией смычного согласного *дъ*, бывшего когда-то в этих языках и явившегося промежуточной стадией перехода *й в современные аффрикаты *ч* и *дж*. Кстати, среднеязычный характер этих аффрикат, которые могут варьировать со смычными среднеязычными *ть* и *дъ*, сохраняется до сих пор в алтайских диалектах и в тофаларском языке. Переход же *дъ* в *нь* (а затем *нь* → *н* под влиянием утраты среднеязычной артикуляции аффрикат) происходил, вероятно, из-за существовавшего в прошлом и в этих языках сильного назализованного характера вообще всей артикуляции, каковая сохраняется еще в тофаларском языке и в некоторых тувинских говорах. Все это уже было рассмотрено нами ранее⁷, поэтому здесь подробно разбирать не будем.

В грамматике наиболее ярким и характерным объединяющим эти языки моментом является наличие особой довольно развитой системы глагольных превербов⁸, которые по функции и зна-

⁶ О противопоставлении североалтайского *нь* южноалтайскому *дъ* см.: Н. А. Баскаков. Алтайский язык. Введение в изучение алтайского языка и его диалектов. М., 1958, с. 70.

⁷ См.: В. И. Рассадин. Об одном ареальном явлении фонетики тофаларского языка. — Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Материалы всесоюзной конференции 3—5 июня 1976 г. Томск, 1976, с. 57—60.

⁸ Типологически сходное явление имеется в монгольских языках. Венгерский монголовед Лайш Беше подробно исследовал монгольские превербы, выдвинув этот термин и убедительно доказав, что лексемы, о которых идет речь, не наречия, а особый тип слов, приближающихся функционально к префиксам. Здесь мы полностью разделяем данную точку зрения и принимаем термин «преверб». Подробнее о проблеме см.: L. Bese. A Study in Buriat Preverbs. — АОН. Т. 19. Fasc. 2. 1966; он же. On Khalkha Preverbs. — АОН. Т. 24. Fasc. 2. 1968; он же. Preverbs in the Language of the Secret History of the Mongols. — АОН. Т. 22. Fasc. 1. 1969; он же. Contribution to the Problem of the Mongolian Preverbs. — АОН. Т. 23. Fasc. 2. 1970; он же. An Aspect of the Turkic-Mongolian Language Contacts. — Bilimsel bildiriler. Ankara, 1975.